

Монография датского лингвиста Томаса Оландера «Балтославянская подвижность ударения» посвящена вопросу происхождения подвижного (подвижно-маргинального) ударения в именных и глагольных парадигмах балтийских и славянских языков. Она выросла из его докторской диссертации, защищенной в 2006 г., и является ее расширенной и переработанной версией, учитывающей последовавшие после защиты уточнения и замечания Х. Андерсена и критику Ф. Кортланда.

Как известно, свободное ударение сохранилось в литовском и ряде славянских языков (восточнославянских и южнославянских). В этих языках представлено, по большому счету, два типа словоизменительных парадигм: (1) такие, в которых ударение так или иначе «привязано» к определенной морфеме словоформы (неподвижное ударение), ср. наиболее тривиальные примеры: литов. им. ед. *vārna*, род. *várnos*, вин. *várną*, им. мн. *várnos*, род. *várnių*; русск. *ворона*, *вороны*, *ворону*, *вороны*, *ворон* и т. д.; (2) такие, в которых одни формы получают начальное ударение, другие – конечное (подвижное ударение), ср. литов. им. ед. *galvą*, род. *galvės*, вин. *galvą*, им. мн. *galvos*, род. *galvių*; русск. *голова*, *головы*, *голове*, *головы*, *голов* и т. д. Именно второй тип акцентных кривых давно волнует ученых и является предметом многочисленных споров. Книга Оландера содержит очередную попытку объяснения его происхождения из гипотетического индоевропейского состояния.

На первых же страницах первой главы (Introduction) автор определяет суть проблемы. Он перечисляет основные теории на данную тему, деля их сторонников на два лагеря. Первый: подвижность напрямую восходит к индоевропейскому состоянию и является архаизмом (Мейе, Станг, Дыбо, Гард, поздние работы Кортланда). Второй: подвижность является локальным балтославянским нововведением, независимо от конкретного объяснения его природы (Эбелинг, Курилович, Маретич, Ван Вейк и др.). Приверженцы второго лагеря возводят подвижную парадигму к конечно-ударной, нуждаясь, таким образом, в объяснении преобразования колонного ударения в подвижное (т. е. почему, например, форма *голова* сохраняет конечное ударение, а формы *голове* и *на голову* его «теряют»). Сам Оландер сразу сообщает, что принадлежит ко второму лагерю, и пытается определить условия этого преобразования, т. е. – в его понимании – потери конечного ударения в некоторых формах парадигмы. На с. 1 читаем: «Просодическая

система индоевропейского праязыка более или менее непосредственно сохраняется в ведийском санскрите и древнегреческом. Эти языки не обнаруживают никаких следов подвижности ударения у [тематических] основ на гласные. Таким образом, ведийские и греческие основы на гласные, этимологически соответствующие балтийским и славянским подвижным словам, обычно имеют колонное ударение на первом слоге окончания» («The prosodic system of the Indo-European proto-language is preserved more or less directly in Vedic Sanskrit and Ancient Greek. These languages show no traces of accentual mobility in the vowel stems. Thus, Vedic and Greek vowel stems that correspond etymologically to Baltic and Slavic accentually mobile words usually have columnar accent on the first syllable of the desinence»). Сразу оговорюсь, что такое категоричное утверждение (об исключительной архаичности греческого и древнеиндийского) на первой же странице не может не вызвать недоверия к дальнейшему изложению, т. к. содержит в виде посылки недоказанный тезис об исконной неподвижности ударения. Впрочем, четко излагая и критикуя позиции своих предшественников (и, в частности, оппонентов), автор высказывает соображения в поддержку своего взгляда; так, на с. 47, обсуждая теорию «Мейе–Станга–Дыбо», он пишет: «...поскольку подвижность ударения в основах на гласные имеется в балтийском и славянском, существует вероятность общей инновации в балтославянском праязыке, однако для объяснения ведийской и греческой неподвижности мы были бы вынуждены постулировать независимые, но тождественные инновации на доисторических стадиях обеих языковых ветвей» («...since accentual mobility in vowel stems is found in Baltic and Slavic, the possibility of a common innovation in the Balto-Slavic proto-language exists, while in the case of the Vedic and Greek immobility we would have to posit independent but identical innovations in pre-stages of these two language branches»). Таким образом, отправной точкой в теории Оландера является отсутствие подвижности в тематических греческих и древнеиндийских образованиях (при ее наличии в атематических), из которого, по его мысли, следует, что подвижности не было и в соответствующих индоевропейских праформах¹. Это значит, что

¹ Этот довод кажется убедительным только на первый взгляд: ведь греческий и индоарийский могли некоторое время развиваться вместе и вместе же потерять подвижность в

если удастся найти некоторый регулярный закон, способный объяснить потерю конечнударности в формах, представленных в балтославянском начальнударными формами, то этим подтвердится положение об отсутствии подвижности у тематических основ в индоевропейском.

Именно такой закон и является главной находкой автора, который называет его «законом подвижности» (Mobility law). В самом начале исследования (с. 3) он приводится в формальном виде:

$$\acute{\mu} > [-\text{high}] / _C\#$$

что означает, что «...слова, изначально имевшие ударение на конечном – кратком или содержащем зияние – отрезке, стали безударными. Если предположить, что краткие гласные имели высокий тон (акцент) на своей единственной море, а отрезки с зиянием – на последней [из двух], то можно сказать, что высокий тон стал низким в последней море фонологического слова» («...words originally accented on a final short or hial structure became unaccented. Assuming that short vowels had a high tone (accent) on the only mora, and hial structures had a high tone on the last mora, we may say that a high tone became low in the last mora of the phonological word»). Под «высоким» тоном здесь понимается ударение, под «низким» – его отсутствие. Таким образом, речь идет просто-напросто о потере ударения последней морой слова.

Что касается вообще наличия подвижности ударения в индоевропейском, Оландер сразу же (с. 1) упоминает древнеиндийские и греческие атематические (consonantal) имена, в которых «все-таки встречается подвижность ударения, подобная балтийской и славянской» («we do find an accentual mobility similar to that of Baltic and Slavic»), и приводит примеры: др.-инд. им. ед. *pāt* ‘нога, стопа’, вин. *pādam*, род.-абл. *padāh*, дат. *padé* и т. д.; греч. им. ед. *πούς* ‘тж.’, вин. *πόδα*, род. *πόδος*, дат. *ποδί* и т. д. Кроме

тематических основах, независимо от уже отделившегося балтославянского. Рассуждение о неправдоподобии «параллельных инноваций» может быть лишь вспомогательным, и спорить здесь, по существу, не о чем. Замечу лишь, что сама по себе потеря подвижности в тематических именах при сохранении ее в атематических не столь уж маловероятна, если принять во внимание, что архаизм (подвижность) мог сохраниться именно в атематических именах как в непродуктивном классе слов, а выравнивание могло затронуть слова, построенные по живой модели (подобно блр. *галава́*, *галаву́*). Тезис об исконной неподвижности в любом случае подлежит иному обоснованию.

того, говорится о «вторичной» подвижности в словах типа др.-инд. *duhitā* ‘дочь’. Здесь необходимо заметить, что автором не упомянуто еще одна важная группа слов, показывающая подвижность в греческом и древнеиндийском, – числительные, ср. подвижность в др.-инд. им.-вин. *pāñca* ‘5’, твор. *pañcābhis* и колонность в *saptā* ‘7’, *saptābhis*. Они, конечно, примыкают к атематическим именам (различное поведение этих основ проявляется в русск. *пятьдесят*, но *семьдесят*). В этой связи досадно, что автор, видимо, не знаком с работой [Дыбо 2003], где довольно подробно говорится об этом. Судя по всему, автор считает, что подвижность была обязательным свойством всех атематических имен (и не упоминает о неподвижных). Это, однако, неверно, ср. др.-инд. *nār* ‘человек’, род. *nāras*, а также литов. им. мн. *dūrys* ‘дверь’, род. *dūry* (а.п. 2), соответствующее слав. **dvǫrь* (а.п. *b*), и нек. др. [Дыбо 2003: 139, 144]. Атематические имена в индоевропейском могли, таким образом, быть и неподвижны.

Следующие за введением две главы (вторая – Indo-European, третья – Balto-Slavic) содержат описание акцентных систем отдельных (групп) индоевропейских языков и подводят к теоретическому обоснованию «закона подвижности» и его проверке на материале, данном в четвертой главе (The Balto-Slavic mobility). Следует сказать, что все положения автора и возражения оппонентам, на мой взгляд, изложены в книге предельно четко и доступно. При том, что иные его утверждения явно вызывают сомнения или производят впечатление чрезмерно смелых, автор почти всегда сам оглаживает то или иное свое решение, приводя и соответствующие контраргументы. Впрочем, опять-таки, местами чувствуется несколько догматичная убежденность в архаичности древнеиндийского ударения, ср. его характеристику как «вероятно, консервативнейшей из объемно засвидетельствованных индоевропейских акцентных систем» («the probably most conservative Indo-European accentuation system comprehensively attested») (с. 54) без каких-либо пояснений.

Не вдаваясь в подробности по поводу описания отдельных языков, обратим внимание лишь на общие выводы автора касательно природы праславянского ударения. Автор предупреждает, что рассматривает некоторую стадию – праславянскую (Proto-Slavic), предшествующую той, что отражается общепринятой реконструкцией – общеславянской (Common Slavic). «В праславянском было свободное ударение и смысловозначительная долгота», т. е. в этом языке не было тонов: «тональное противопоставление было бы избыточным» («Proto-Slavic had a free accent and distinctive quality... [A] tonal

opposition would be redundant» – с. 128). Слоги, где обычно реконструируют балтославянский циркумфлекс, Оландер считает во всех случаях краткими (краткие монофтонги и краткие дифтонги), причем на описываемой стадии они – по его реконструкции – уже потеряли ударение по закону Дыбо – Иллич-Свитыча (сдвиг на один слог вправо): твор. мн. **ge'nāmī* («общеславянское» **ženāmi*). Эта модель, привлекательная своей простотой, тем не менее, не учитывает ряда моментов. Грубым упрощением кажется отождествление балтославянского циркумфлекса с краткостью. Не вдаваясь здесь в подробности (в том числе в проблематику отражения апофонической долготы в славянском), отмечу лишь, что автор не учел многочисленных примеров балтославянской метатонии, ср. (от подвижного порождающего глагола **dějō*, **dējetē*) производное **dēdlo* > **dēdlō* (а.п. *b*): серб.-хорв. *odělo*, *odujelo* «одежда», ст.-хорв. (Крижанич) *odīlo* (ударение на конце), где до действия закона Дыбо – Иллич-Свитыча явно имелась циркумфлексовая долгота на монофтонге, что, видимо, трудно отрицать при каком бы то ни было отношении к «николаевской» метатонии, о которой см. подробно в работе [Николаев 1989]. То же можно сказать о долгом циркумфлексе в корнях таких слов, как **trāvā* и **dāviš*. Кроме того, не очень понятно, к каким, если не просодическим, различиям автор возводит наблюдаемые в славянских языках различные рефлексy долгих падежных окончаний. Он без каких-либо оговорок ставит краткостное ударение во всех «общеславянских» падежных формах с конечным ударным слогом: им. **golvā* и род. **golvy*, как будто эти ударения восходят к сокращенному акуту (в традиционной терминологии), хотя имеется немало диалектов, где представлена и долгота (т. е. не акут), ср. ст.-хорв. (Крижанич) *glāvā* при род. *glāvē*, а также твор. мн. *zuby*. Это надо было бы специально оговорить, т. к. вообще вопрос о количестве окончаний в славянском является спорным. Подобные возражения можно высказать и касательно авторской реконструкции прабалтославянской системы.

Для индоевропейской же системы ударения, по Оландеру, актуальны лишь следующие признаки: долгота или краткость слога (две или одна мора), место ударения, а в окончаниях – ударность первой или второй моры в слого. Все возможные по этому поводу замечания (каковых немало) носят частный характер, т. к., по большому счету, кажется, никак не влияют на главные выводы касательно «закона подвижности».

В четвертой главе еще раз приводится формулировка «закона подвижности» и условия его действия. Исходя из сказанного выше, дается реконструкция фонетической реализации

индоевропейского акцента (с. 155): (1) краткие гласные имеют высокий тон (high pitch) на единственной море: $\acute{\mu}$; (2) долгие гласные (из сочетаний с ларингалом или нет) получают высокий тон на первой море: $\acute{V} = \acute{\mu}\acute{\mu}$; (3) долгие гласные, возникшие из зияния, получают высокий тон на второй море: $\acute{V}(h)V(h) = \acute{\mu}\acute{\mu}$. Эта реконструкция (представляющаяся несколько искусственной) подготавливает почву для действия «закона подвижности», который, как уже было сказано, заключается в простой потере последней морой высокого тона (ударения). Приводятся иллюстрации (в записи автора): им. мн. **g^holəuáh₂as* > **gālūa'as* > **gālūās* > литов. *gálvos*, но без потери ударения: **g^holəuáh₂* > **gālū'aa'* > **gālū'ūā* > литов. *galvā*. Затем дается типологическое обоснование «закона подвижности» (с. 159–162), в котором автор опирается на данные Андерсена о потере ударения последней морой в славонском диалекте Подравины (ср. обычное славонск. *vodē, u ministarstvō*, но подрав. *vōdē, ū ministarstvo*), хотя ударение на предпоследней море сохраняется (ср. *danās*, т. е. [-*āas*]), а также данные А.В. Тер-Аванесовой [Тер-Аванесова 2004] о заонежском «ляпанье», при котором любое конечное ударение тактовой группы переходит на начало².

Далее Оландер приводит материал, на котором проверяются результаты действия «закона подвижности» в основных литовских и славянских падежных формах (вскользь также упоминается глагол; всего окончаний около 50). Обсуждая каждую форму, он дает свою реконструкцию окончания, приводя доводы за и против. Надо сразу отметить, что довольно большое количество форм противоречит «закону подвижности» (об этом ниже).

В пятой главе (Conclusion) дается краткое изложение содержания глав, повторяются выводы и подводятся итоги. Один из главных выводов (на мой взгляд, самый главный) гласит: «...развитие балтославянской парадигматической подвижности ударения не предполагает существования какой бы то ни было подвижности ударения в индоевропейском» («...the development of the Balto-Slavic paradigmatic accent mobility does not presuppose an existing

² Добавлю, что похожее явление широко представлено в жемайтских говорах литовского языка [Zinkevičius 1994: 97]. В них ударение оттягивается на первый слог тактовой группы с последней моры (т. е. с конечных кратких и восходящих слогов, но не со срединных и не с конечных нисходящих), оставляя след на старом месте в виде второстепенного ударения, ср. *šākā* (литературное *šakà* «ветвь»), род. *šākūos* (*šakōs*), *pri kitū* (*prie kitū* «при / возле других»), но без оттяжки: дат. мн. *šakūoms* (*šakóms*).

accentual mobility of any kind in Proto-Indo-European» – с. 202). Замечу в скобках, что мне совершенно неясно, что вдруг стало с подвижностью в атематических именах, ср. выражение автора «какой бы то ни было» («of any kind»), хотя на с. 98 сказано: «Соответствия между акцентными парадигмами ведийских и греческих односложных [атематических] основ на согласные [...] не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело с индоевропейской парадигматической подвижностью» («The correspondences between the accent paradigms of Vedic and Greek monosyllabic consonant stems [...] leave no doubt that we are dealing with Proto-Indo-European paradigmatic mobility»), значит, это, видимо, не что иное, как описка (впрочем, довольно опасная в заключении ко всей книге). К чести автора необходимо заметить, что он без колебаний признает, что его теория не объясняет всех фактов и в большой степени опирается на многочисленные аналогические выравнивания. Однако, по его мнению, «закон подвижности» является хорошей альтернативой существующим теориям.

В эпилоге (Postscript) автор излагает свою реакцию на критику Кортланда [Kortlandt 2006], причем, как представляется, в большинстве случаев приводя веские аргументы в свою пользу. Впрочем, все они касаются частных случаев, и я здесь не буду их разбирать.

Основных общих возражений к теории Оландера – три.

Первое возражение. Утверждая, что подвижность в индоевропейском имела только у атематических имен, трудно не заметить, что она наблюдается и у соответствующих имен в литовском. Причем древнеиндийская, греческая и (древне-)литовская акцентные кривые почти тождественны, ср. (древне-)литовскую парадигму с греческой: им. ед. *šiuō* (*βῦ*) ≈ *κύων*, род. *šiuñs* (*βυνες*³) = *κυνός*, дат. *šuniui* (*βῦνι*) ≠ *κυνί*, вин. *šuni*, = *κύνα*, им. мн. *šunys* (*βῦνες*) = *κύνες*, род. *šuni* = *κυνῶν*, дат. *šunims* (*βυνίμυς*) = *κυσί*, вин. *šunì*, < **šun-ĩns*⁴ = *κύνας*. Только в дат. ед. наблюдается несоответствие, что, вероятно, связано с тем, что в греческом эта форма перенесена из местного падежа. Таким образом, индоевропейские «ударные» окончания отражаются в литовском именно как ударные, хотя в целом в литовском атематические имена претерпевают некоторое уподобление тематическим. Все это наглядно показано в работе [Дыбо 2003].

³ Эта форма не акцентована, но ср. др.-литов. *dukterės* > совр. *dukterės*.

⁴ Аналогия с другими основами (долгота в окончании), а затем закон де Соссюра (сдвиг ударения с корня).

Более того, сравнив кривые атематических и тематических имен на **-ā < *-eH*, мы легко обнаружим, что и они друг другу практически тождественны. Для примера сравним (др.-)литов. *šiuō* и *galvā*: род. *šiuñs* < **šunēs* = *galvōs*, дат. *βῦνι* = *gálvai*, вин. *šuni* = *gálva*, твор. *šuniù* < **šun-(i)-ō* (по закону де Соссюра) = *gálva*, им. мн. *βῦνες* = *gálvos*, род. мн. *šuni* = *galvū* и т. д. Тут сам собой напрашивается вопрос: может ли безударность тематических окончаний диктоваться «законом подвижности», если в общем то же распределение ударных и безударных окончаний по падежам было представлено уже в индоевропейском (в атематических именах)? Неужели результаты «закона подвижности» совпали с результатами какого-то еще (совершенно другого) «закона», определившего акцентную кривую атематических имен в индоевропейском? Если так, то это совпадение достойно удивления. Если уж настаивать на исконности колонного ударения в тематических именах, то легче согласиться со сторонниками идеи, что подвижность в тематических именах возникла «по аналогии» с атематическими (Эбелинг и др.). Впрочем, и это предположение на поверку оказывается избыточным. Дело в том, что если разложить тематические падежные окончания на тему и собственно окончание (которые слились, устраняя зияния), окажется, что никакой особой разницы между окончаниями атематических и тематических имен нет. Наиболее наглядно это видно по парадигме склонения на **-ā < *-eH*. Автор сам делает именно это. На с. 98 он реконструирует тематические падежные окончания. Лишь одно окончание имеет у него иную ступень, нежели соответствующее атематическое: это формы род. ед. типа **g^holəuáh₂s*, где собственно окончание **-s* находится в нулевой ступени, ср. атематические греч. *κυνός*, др.-инд. *padás*, где налицо полная ступень **-o/e-s*. Зачем это нужно автору, становится ясно ближе к концу книги (см. ниже).

В любом случае представляется очевидным, что, вопреки мысли Оландера и многих его предшественников, вряд ли следует искать двух различных объяснений для акцентных кривых атематических и тематических имен, т. к. сами окончания, по сути дела, материально тождественны. Тем самым, ударность или безударность окончания в подвижной парадигме – следствие неких признаков, внутренне присущих самим этим окончаниям и не связана с тематическими гласными и зияниями в окончаниях.

Второе возражение. По мнению автора, в индоевропейском праязыке тематические имена распределялись по двум парадигмам – баритонированной (ударение на основе, т. е. – для двухсложных слов – на первом слоге) и

окситонированной (ударение на окончании), а сами морфемы не имели никаких просодических признаков, кроме ударности-безударности (причем не сами по себе, а только в пределах слова). Значит, ударение – это признак словоформы, а не отдельных морфем. Тогда чем же определялось место ударения, скажем, в словоформах с двухсложными основами, например, производных? Руководствуясь логикой Оландера, было бы естественно думать, что и производные ударялись либо на первом слоге, либо на окончании. Однако этому, конечно, противоречат факты, т. к. ударение производных в действительности ставится по более сложным правилам. Так, производные с суффиксом **-āt-* от подвижного слав. **bǫgъ* (а. п. с): **bogātъ*, **bogātъ-jь*, **bogātъstvo* получают ударение на суффиксе, а производные с суффиксом **-ot-* от подвижного **lēpъ* (а. п. с) – сами подвижны: **lēpotā*, **lēpotq*. Причем это вовсе не отдельные случаи какой-то «аналогии», а весьма четкая система, реконструируемая для прабалтославянского. Широко известно «контурное правило», сформулированное Дыбо, согласно которому дело здесь в валентностях морфем, на первой доминантной из которых и ставится иктус [Дыбо 1981]. В.А. Дыбо (и вслед за ним, в частности, Ф. Кортланд) возводит эти валентности к гипотетическим индоевропейским регистровым тонам. Оландер же, напрямую не отвергая такого подхода, видимо, полагает, что эти валентности могли быть в изучаемый им период уже чисто абстрактными единицами, и дипломатично замечает, что для него «вопрос о [индоевропейских] смысловых различительных тонах не имеет значения в рамках задач настоящей работы, в которой не рассматривается предыстория праиндоевропейского языка» («the question of distinctive tones is irrelevant to the purpose of the present work which is not concerned with the prehistory of Proto-Indo-European» – с. 85), ибо в интересующий его период имелось разноместное фонологическое ударение, являвшееся исчерпывающим признаком. Значит, если продолжить логику Оландера, место ударения в производных не могло определяться каким-либо живым фонетическим законом, а было к тому времени уже закреплено за определенным слогом, восходя к «предыстории» индоевропейского. Тогда непонятно, как ударение ставилось в производных, образованных в балтославянскую эпоху. Если бы упомянутое контурное правило тогда уже не действовало, то вряд ли было бы возможно прийти к столь четкой его реконструкции [Дыбо 1981 и т. д.], в которую систематическим образом укладываются свидетельства памятников и современных языков. Сейчас мы наблюдаем последовательное разложение этой

системы, категориализацию и разрушение балтославянского акцента, дошедшее в отдельных случаях до предела (ср. польский язык). Но в балтославянскую эпоху «валентности» все-таки, вероятно, были вполне живым фонетическим явлением. Здесь я не буду говорить о балтославянской метатонии и других тональных явлениях, признав которые, трудно согласиться с Оландером. Но это даже не главное. Неясно следующее: если на корни, суффиксы и даже клитики действовало некое контурное правило, то почему в нем не участвовали падежные и личные окончания? Подобный взгляд кажется в высшей степени искусственным и, судя по всему, вытекает из изначальной убежденности в колонности индоевропейского ударения в тематических именах, а вовсе не доказывается материалом. Таким образом, это возражение является еще и чисто методологическим.

Третье – и главное – возражение. Посмотрим еще раз на формулировку «закона подвижности»: ударение теряется последней морой. Очевидно, что окончания, в которых последняя мора ударна, о чем говорит и сам автор, – либо краткие, либо сверхдолгие (возникшие из зияния). Как известно, сверхдолгие окончания получают циркумфлекс. Значит, по «закону подвижности» в балтославянском не может быть циркумфлектированных окончаний. Это явно не соответствует действительности, причем речь идет не об отдельных случаях отклонения от предсказаний «закона подвижности», а о системном факте. Все циркумфлектированные окончания объясняются у Оландера той или иной аналогией. Формы литов. род. ед. *galvōs*, *širdiēs*, *lietaūs* и род. мн. *galvū* автор считает вторичными. Для первой из перечисленных форм это противоречие разрешается реконструкцией акута: **g^holəuāh₂s*, что дает правильное место ударения (конечное), но неправильную интонацию – акут якобы превращается в циркумфлекс: «циркумфлексивный тон в *galvōs* был введен по аналогии с дат. ед. основ на *-ā* и род. ед. основ прочих классов» («the circumflex tone of *galvōs* was introduced by analogy with the dative singular of the *ā*-stems and the genitive singular of the other stem classes» – с. 171). Как реконструкция окончания род. ед. **-āh₂s*, в отличие от им. мн. **-āh₂as*, так и рассуждения об аналогии, совершенно произвольны. Вторичными также объявляются почти все формы им.-вин. дв., ср. литов. *lāngu*, *gālvi*, *širdi*, *lietu*, в которых окончание (по Оландеру, из **-ōh₁*, **-āh₂ih₁* и др.) должно было остаться ударным, как в им. ед. *galvā*. Из приблизительно пятидесяти форм, приведенных для подтверждения «закона подвижности», более десяти объяснены различными аналогиями. Столь большая погрешность не может не ставить под сомнение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

правомочность предлагаемого закона. Об этом уже не раз писал Ф. Кортланд в своих отзывах на диссертацию и доклад Оландера, поэтому я не буду разбирать всех его реконструкций, о которых подробно сказано у Кортланда [Kortlandt 2006: 365]. Кортланд выносит теории Оландера довольно радикальный вердикт: «Я заключаю, что теория Оландера весьма несостоятельна» («I conclude that Olander's theory is quite inadequate») [Kortlandt 2007: 233]. Соглашаясь далеко не со всеми возражениями и, вообще, теоретическими воззрениями Кортланда, я могу лишь присоединиться к его оценке общей предсказательной силы теории Оландера.

Несмотря на все высказанные возражения, следует признать, что книга в целом написана в образцовом стиле, прекрасно построена и предельно логична. Демонстрируемой в работе научной эрудиции автора можно только позавидовать. Увы, согласиться с изложенной в ней теорией я не нахожу возможным, но уверен, что она являет собой весьма смелую и потому ценную попытку пересмотра фундаментальных положений балтославянской (и индоевропейской) акцентологии, что достойно внимания и интереса. Не отрицая, что я являюсь адептом совершенно иной акцентологической школы, нежели автор рецензируемой монографии, и тем самым допуская, что и сам могу где-то проявлять «догматическую убежденность», в какой-то упрекаю его, я тем не менее считаю, что именно такие работы, как книга Томаса Оландера, несомненно способствуют диалогу между научными школами и снижению уровня догматичности у всех их представителей⁵.

⁵ Автор рецензии выражает благодарность И.Б. Иткину за ряд замечаний и поправок.

Дыбо 1981 – В.А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

Дыбо 2003 – В.А. Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII междунар. съезд славистов (Любляна, 2003 г.). Докл. российской делегации. М., 2003.

Николаев 1989 – С.Н. Николаев. Балто-славянская акцентуация и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

Тер-Аванесова 2004 – А.В. Тер-Аванесова. Говорить по-культурному и лаять по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье) // Исследования по славянской диалектологии. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004.

Kortlandt 2006 – F. Kortlandt. Balto-Slavic accentual mobility // Baltistica. XLI (3). Vilnius, 2006.

Kortlandt 2007 – F. Kortlandt. Miscellaneous remarks on Balto-Slavic accentuation // Tones and theories: Proceedings of the International workshop on Balto-Slavic accentology. Zagreb, 2007.

Zinkevičius 1994 – Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1994.